

2013 КНИЛГО №2

КАЗАХСТАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ЛЮБ

Интервью с **Германом Арзумановым**,
главным редактором литературного журнала
«Лампа и дымоход»

Лиля Калаус. Книга умирает?

Бах Ахмедов. Прожить три слова

Станислав Ли. Премьера рубрики «На слуху».

Стихи **Евгения Степанова**

СЛОВАРЬ ЛЮБВИ

Илья Синельников, Алматы

СТИХИ

«Словарь – это вселенная,
собранная в алфавите».
Вольтер

«Что к лучшему, что к худшему – всё дело случая в
этом мире,
и единственно достоверная система – алфавит».
(Из радиопьесы «Минотавр» немецкого драматурга
Д. Веллерсхофа)

Поэт, я – Совесть.
Слог мой безупречен.
Ты, между нами говоря,
Не Божьей милостью увенчан,
А милостыней словаря

Ал

Альбинос, Альбом, Альков, Альковные (тайны), Альма-матер, Альманах, Альпийский

АЛЬБОМ

Когда-то юнцом, с осветлённым лицом,
Я девушкой был приглашён
В её родовой, дооктябрьский¹, дом –
И тем был польщён и смущён.

С вареньем вишнёвым и персиковым
Гонял я чаи, как в футбол.
Её сенбернар был со мною «на вы»,
Поняв: не осёл я – орёл!

Мы долго листали фамильный «Альбом»,
Что пахнул, как бабкин букет.
Мелькали эпохи меж носом и лбом –
С посланцами отжитых лет.

– Кто этот мосье, с чайной чашкой?
– В песне?
Он бабушкин был кавалер.
Задумали свадьбу они по весне,
Да дело испортил терьер.

Из ревности он жениха укусил!
– Куда?..
– Неудобно сказать...
Мосье вместе с блюдцем пенсне раздавил,
Прикрылся зонтом – и тикать.

Вот дед мой. И бабушка, с мопсиком, – в год
Венчанья. За чаем, в саду.
Мопс выл на Октябрьский переворот!
А дедушка сгинул в аду.

А в бабушку втюрился ушлый чекист.
Её он от лагеря спас.
Чекист, как кисель, перед нею раскис,
Хотя был большой ловелас.

Потом оказалось – подлец, был женат
И дочку с сыночком растил.
Кусая усы, бормотал: «Виноват...»
И в Питер с семьёй укатил.

¹ Дооктябрьский – построенный до Октябрьской революции в России в 1917.

– А что это за фронтовик франтоват?...
– Красив?... Это папа.
– Да ну!..
– С Победой в обнимку привёз медсанбат
С отцом «вертихвостку» одну.

Отставку за чаем он принял смеясь.
Бульдоз за ним щерясь ходил.
Вошла «вертихвостка».
Я крикнула: «Фас!»
Отец в него кольт разрядил.

...Смотри-ка, совсем мы забыли про чай.
– Да я всё варенье умял.
– Сидеть!.. Сенбернарчика не огорчай.
Тебя он, гляжу я, признал.

Какого варенья тебе принести?
Из тёрна? Иль из алычи?
– Спасибо. Ты знаешь, пора мне...
– Сиди!
Успеешь. Смотри и молчи!

Наш «Фотоальбом» – раритет. Во-вторых,
Теперь это «штучный товар».
Гляди – это я. Рядом – бывший жених.
Не принял его сенбернар.
А это – мой отчим.
Любить не слабак
Собак и чаёк. Вы сошлись...

...Из фотопортретов сложился в «трухляк»
«Альбом» – под названием «Жизнь».

*
Тот дом, как эпоха, был пущен на слом,
Там скверик, и птички поют...
А старенькой деве привносит «Альбом»
Уют в бесприютный приют.

АЛЬКОВ

Молодожёны раз заспорили:
Каков
Быть должен третий их (не лишний) друг –
Альков.

В своей позиции один молодожён –
Как полу свойственно – был стойко напряжён.

Другой (логичнее здесь было бы сказать –
Другая), на своём пытаясь настоять,

Стояла (а, точнее, – лежала) поперёк
Той точке зрения, что муженёк изрёк:

«Альков наш должен быть впритык прилёт к стене,
Дабы не дёргался, когда ты на спине

Начнёшь на ласки импульсивно отвечать
И слёзы страсти конвульсивно источать.

А колья не койка он, а ниша для тахты –
Пусть будет полем не страдания, а страды.

– По мне, так лучше бы, – воскликнула жена, –
Альков качался, как под парусом волна,

Чтоб мы, при прибыли – сорвав улады куш,
С тобою прибыли под сень Эдемских куш

На яхте с парусом, расшитым, как заря,
Лучами солнца или мёдом янтара.

Давай послушаем-ка нашего дружка –
Уж он-то, думается мне, наверняка

Всё знает про себя... Скажи-ка нам, альков:
Как суть супружества, ты должен быть каков –

Прилётным к стенке? Или вольным, как ковчег
В декоре радужном, – для радостных утех?

«Какая разница, – ответствовал им тот –
С резьбой иль без резьбы – сколочен зшафот?

Со скатертью иль без – накрыт в столовой стол,
Готовый страждущих насытить, кто пришёл?

До кружев ли тому, кто как нагой изгой,
К отрепьям тянется трясушей рукой?

Я ложем рад служить и нишей – молодым
И тем, кто в долгом стал супружестве седым.

И вам скажу я так: тот попросту дурак,
Кто славит свой альков или винит – за брак.

Хоть вымочи в меду венчальную постель –
Лишь с месяц проживёт меж ними параллель.

Кто что ни говори, а вывод мой таков:
Любви не сохранит сам по себе альков.

Как ни трясут тела – хоть ниша, хоть кровать,
Союза душ альков бессилён расшатать».

АЛЬКОВНЫЕ (тайны) (Монолог женщины)

Отныне альковные тайны свои
Могу поверять я себе да лучше...
А то б расчирикали всем воробыи,
Как я тебя ночью милую во сне

Насыточном.
Буду вдвоём я теперь
Заваривать с чашкой ромашковый чай,
Шепча в изнурённую взорами дверь:
– Спасибо за всё. Будь здоров. И – прощай.

АЛЬМА-МАТЕР²

Привет, мой старенький КазГУ!³
Салем⁴, new дос⁵ КазНУ⁶!
Код входа знать я не могу –
Я в нём ни тпру, ни ну.

У врат КазНУ – я чуждый гость:
И без казны. И стар.
В глазах – один-другой погост,
Один-другой мазар.

Как Жовтиса⁷ прицелен глаз!
Вот был поэтовед!
Магжана⁸ для Парнаса спас.
Свети ему, тот свет!

В устах Махмудова гремел
Старославянский грай.
Какие гимны Плахин пел
Словесности! – Ойбай!⁹

Спаси, Господь, и сохрани
Уроком прочным впрок
Сайкиева – на все мне дни –
Московский говорок.

Стекловой слова бравый тон –
Ефремову контраст.
Провизор прозы Мадзигон
Слог проверял на глаз.

Как Никитевич звуков вкус
Религиозно читил!
Как Тажибаев слушать пульс
Страстей умы учил!

Куратор Курова, витай,
Кольцом ключей звеня
От близ-литературных тайн,
Застенчивость дразня!

От слов наставников подчас
Останется слово...
Подслеповато тычусь в вас –
Бессмертных мертвецов.

Как все вы были далеки! –
Глядеть – не разглядеть.
Как все вы были высоки! –
Лететь – не долететь.

Наш «альма-матерный» ВИП-зал
Был культом не заржавлен.
Нас в реки речи Марков звал,
В самих себя – Коржавин¹⁰.

Прости, КазГУ! Мою весну
Тоска не воспоёт.
А гимн складировать в КазНУ –
Любви недостаёт.

АЛЬМАНАХ «Литературный особняк» (1920-е гг.)

Над сонным сонником забвенных альманахов
Витым дычком витают строки бедолага.
Фатальный их прогноз
Неотвратимых крахов
Запечатлел «Литературный особняк»¹¹.

Одно перо – поёт красавице о доле,
Вослед Державину.
Не ведая невгод,
Она, как рдяный плод, душисто зрела¹² в поле
В свой самый, может быть, бездумно-светлый год.

² Альма-матер (лат. alma-mater [альма-матер] – букв.: «благодетельная мать») – старинное студенческое название ун-тов.

³ КазГУ – Каз. гос. ун-т им. С.М. Кирова.

⁴ Салем! (каз.) – Привет!

⁵ New дос – англ.-каз. словосочетание («new» – новый и «дос» – друг).

⁶ КазНУ – Каз. нац. ун-т им. Аль-Фараби.

⁷ В стихотворении упомянут ряд преподавателей филфака КазГУ 1-ой пол. 1960-х: Александр Лазаревич Жовтис, Хайрулла Хабибуллин, Махмудов, Евгений Алексеевич Плахин, Халаби Мухитович Сайкиев, Фаина Ивановна Стеклова, Леонид Петрович Ефремов, Михаил Васильевич Мадзигон, Василий Михайлович Никитевич, Тулеген Тажибаевич Тажибаев, Ксения Сергеевна Курова.

⁸ Магжан – классик каз. поэзии XX в. М. Жумабаев; его стихи извлёк из спецхрана, перевёл на рус. яз. и опубликовал в ж-ле «Простор» А.Л. Жовтис, при солидарной поддержке Х.Х. Махмудова.

⁹ Ойбай! (каз.) – Ах! Ох!

¹⁰ Марков С.Н. (1920-92), Н.М. Коржавин (1925) – классики русской поэзии XX в. – бывали в КазГУ в 1960-е.

¹¹ В стихотворении использованы названия, отд. строки и сочетания из произведений ряда поэтов – авторов альманаха «Литературный особняк»: вып. № 1 (1922) и № 2 (1929).

¹² «Как рдяный плод, душисто зрела» (№ 1); Сергей Спасский (1898-1956); в 1951-54 прошёл ГУЛАГ. (Прим.: «Рдяный» – излюбленный эпитет Г. Державина).

Второе – ветреное пёрышко, как Эрос,
Суллит восторги встреч и горести разлук¹³
Подруге рифмача.
Но, в музее разуваясь,
Он молкнет в толкотне, где все вокруг орут.

Ночным медлительным покоем¹⁴ заторможен,
За далью дальнего моста¹⁵ другой пиит –
Ночной бродяга-музыкант¹⁶ – гитару гложет,
Не попадая в злобу дня
И в темпо-ритм:

– Был вечер как вечер,
Закат как закат¹⁷...
По Кузнецкому цокала конница¹⁸...
А время бестактно
Врубается в такт:
Пусть муза чекистам поклонится!

Тревожно неба трепетанье¹⁹.
Рдеет в храме
Заката смертного не-сладостная ширь
Москови²⁰...
Душа, застылая, не вспрянет,
Пока «Да здравствует!» Отечества упырь –

«Египетское Божество»²¹, с его жрецами,
В кровавых оргиях пытающих народ,
Пытающийся быть не овнами с овцами
В восточном роде²² – что годны лишь на приплод.

Моих дрожащих слов раскалывайся, пламя²³, –
На искорки надежд в отсчитанные дни...
Нам ветер воем Эвменид²⁴ в грядущей драме
Ещё не раз воспламенит грёз головни²⁵.

Завет поэту²⁶, к нам бредущему из мрака
Дней завтрашних:
– Взметни метафор пращ!
И порази! Срази, как Божий забияка,
Певцов в лохмотьях слов.
Как в гамлетовский плащ²⁷,

Ображенных...
От нас чтобы в словесном мире
Остались только имена²⁸, как цвет руин, –
Ненужные садам поэзии, как сирый,
Холодный, словно шёлк, осенний георги²⁹.

АЛЬПИЙСКИЙ

Альпийский цветок на альпийском лугу
Цветёт – кроме Альп – на Тянь-Шане.
Я сей диссонанс сопоставить могу
С промашкой других сочетаний.

Девочки Любви, всю жизнь бренд Любви
Неся в своём имени чванно,
В Любви воцариться, меж тем, не смогли,
Хоть лнут к ней, красуясь жеманно.

И страсть – вечный двигатель судеб людских –
Не сексом одним только правит.
Но выбрав предмет предпочтений своих,
Судьбу с ним смириться заставит.

АЛЬПИНИСТ

Венценосных
Четырнадцать
Пиков³⁰

Он, по воле судьбы, одолел –
И пред Пиком Небесным возник он,
Выйдя на стратосферный предел.

Сердца пыл на пути к той Вершине
Распылил он – в разгаре – в распыл
По обрывной подножной долине.
Но Любви так и не покорил.

АЛЬТ

Стенала скрипка, в одиночестве
Публичном, выйдя из себя.
Виолончель – ее высочество –
Царицу слушала, скрепя
Смычком завистливые струны...
И всё одёргивала шлейф.

Минорный альт, как Эрос юный,
Сердечный путаник, – в своей
Привязанности разрывался
Между соперниц – и в конце
Концов, как мальчик, разрыдался
С улыбочкой лице.

АЛЬТЕРНАТИВА

Всем нашим чувствам есть альтернатива –
И не в посмертном инобытии.
А в слове.
Из него интуитивно
Душа – как Бог – творит миры свои.

Вращаясь вокруг неё, как у светила,
Варьируют миры – и звук, и цвет.
У каждого – своя альтернатива,
Лишь у Любви альтернативы нет.

АЛЬТЕР ЭГО³¹

В стране Акрополя дух мудрости царит.
«Кузнец философов» достойный – Парменид³²
И друг его, Зенон³³ (о том скрипят скрижали)
«Вторым» на свете «я» друг друга величали.

Но больше Парменид в Афины³⁴ был влюблён:
Всё ж – женщина она! Однако ж и Зенон,
Слонявшийся в числе поклонников Афины,
Возжаждал роль сыграть богини половины.

– Куда тебе! – махал рукою Парменид. –
Я престарел – но зрел! И громче знаменит.
Вчера ты разменял четвертый лишь десяток
И – как не топчешься – мне не истопчешь пяток.

С любым философом любой мой диалог
Афина лавром отмечает – всем в урок.
Без мудрости пуста речений златокудлость.
Не шевелюра – головы цветок, а мудрость.

– Ты хлещешь истиной, – сказал на то Зенон, –
По искромётности не знающей препон.
На утренней заре и на заре вечерней
Заткнутся в зависти и жрец, и виночерпий.

Но акт провижу я: Афина. Ты. Альков.
Каскад риторик – в очке её зевков.
Поскольку соловью роль не сыграть кентавра,
Я – как «второе ты» – замену справлю справно.

Продолжение читайте
в следующем номере журнала

13. «Свои восторги встреч и горести разлук» (№ 1): Николай Минаев (1893-1967).

14. «Ночным медлительным покоем» (№ 1): Нина Манухина (1892-1980).

15. «За далью дальнего моста» (№ 2): Варвара Моина (1894-1943).

16. «Ночной бродяга-музыкант» (№ 2): Борис Зубакин (1894-1938), жертва ГУЛАГа.

17. «Был вечер как вечер, закат как закат» (№ 2): Н. Минаев.

18. «По Кузнецкому цокала конница» (№ 1): Александр Мареев (Дат нет).

19. «Тревожно неба трепетанье» (№ 2): Владимир Гиляровский (1855-1935).

20. «Сладостная ширь Московии» (№ 2): Тарас Мачтет (1891(3)-1938/44/), репрессирован.

21. «Египетское божество» (№ 2): Сусанна Укше (1885-1945), погибла от голода в ссылке в Алма-Ате.

22. «В восточном роде» (№ 2): Иван Аксёнов (1884-1935).

23. «Дрожащих слов раскалывайся, пламя» (№ 1): С. Спасский.

24. «Ветер воем Эвменид» (№ 2): Галина Владычина (1900-70).

Прим.: 1) Эвмениды – в одноимённой трагедии др.-гр. драматурга Эсхила – это богини мести Эринии, к-рые в др.-греч. мифологии ассоциировались с ветрами. По ходу действия Эринии принимают имя «Эвмениды», т.е. «Благомыслящие»; 2) На сайтах в Интернете в названии стих. Г. Владычины искажено имя богинь: «Вот ветер воем Эвменил» (?).

25. «Грёз головни» – из стих. «Пока нем требует...» (№ 1): Василий Фёдоров (1883-1942), жертва ГУЛАГа.

26. «Завет поэту» (№ 2): Николай Захаров-Мэнский (1895-1942), жертва ГУЛАГа.

27. «В лохмотьях слов, как в гамлетовский плащ» (№ 1): Наталья Кугушева (1899-1964), находилась в ссылке в Карагандинской обл. Казахстана в 1941-56.

28. «Остались только имена» (№ 1): Н. Кугушева.

29. «Холодный, словно шелк, осенний георги» – из стих. «Предпочтение» (№ 2): В. Фёдоров.

31. Альтер эго (лат. [alter ego] второе «я» – альтернативная личность человека.

32. Парменид (VI-V вв. до н.э.) – древнегреческий философ. Разделил истину и субъективное мнение.

33. Зенон (V в. до н.э.) – древнегреческий философ. Ученик Парменида. Согласно Аристотелю – основатель диалектики: искусства постижения истины посредством спора или истолкования противоположных мнений.

34. Афина – греческая богиня мудрости.